

А.В.Евглевский, Д.В.Пилипенко

ТЮРКСКИЕ ИЗВАЯНИЯ “ПОГРУДНОГО” ТИПА: ПРИМЕР ПРАКТИЧЕСКОЙ АТРИБУЦИИ

В селе Придорожное Старобешевского р-на Донецкой обл. стоит тюркское изваяние так называемого “погрудного” типа¹. Около 30 лет назад оно было перевезено во двор школы с окраины села краеведом, учителем истории, ныне заведующим местным школьным музеем, В.Ф.Моженко. История же первоначальной находки изваяния уходит к 1840 гг, когда выходец из зажиточного рода пан Редькин купил у царского генерала около 700 десятин земли в излучине р.Кальмиус (Северо-Восточное Приазовье). Поставив затем несколько крестьянских хат, конюшни и собственное подворье, он, таким образом, основал свое имение. Как свидетельствует местная легенда, у въезда в село с запада новоявленный помещик решил поставить каменную бабу, обнаруженную на одном из близлежащих полей.

Нельзя с уверенностью сказать чем руководствовался помещик, устанавливая изваяние именно к западу от села: на заход солнца или потому, что оно просто было обнаружено у западной околицы усадьбы, а может, по какому-нибудь иному мотиву. Согласно версии, высказанной В.Ф.Моженко, пан Редькин установил изваяние на западной окраине села по причине того, что именно с этой стороны шло заселение приазовских земель крепостными, выходцами из Полтавской губернии. В пользу этой версии вроде бы говорит и тот факт, что пан Редькин, по данным истории села, и сам был уроженцем Полтавщины (с.Санжаровка). Если принять такое объяснение, то изваянию, возможно, отводилась роль не только своеобразного межевого камня, но и оберега, защитника села.

В свете такой интерпретации установки изваяния важно отметить, что Полтавская

губерния находилась в лесостепной зоне, занятой славянским населением, где в эпоху развитого средневековья не было постоянных веж тюркских кочевников. Следовательно, их монументальной скульптуры, за исключением самых южных районов (согласно истории находок из Полтавского областного музея), там не было. Более того, изваяния, найденные на юге области, возможно, были привозными из соседних юго-восточных районов. Поэтому удивительно, что на новой родине православный помещик, по-видимому, никогда не “имевший дела” с изваяниями, не только не уничтожил языческого идола, а наоборот, постарался привлечь его сакральную силу. Очевидно, здесь немаловажную роль сыграл очень интересный универсальный культурный феномен, когда чуждые культовые вещи, объекты или образы на подсознательном уровне приобретали для индивидуума или коллектива особую ценность (Байбурин А.К., 1989, с.69). Так или иначе, но сельское население, очевидно, во многих случаях не только беспричинно не уничтожало каменных языческих идолов степняков, но даже относилось к ним довольно бережно. Их массово свозили с полей и устанавливали у своих дворов, о чем свидетельствуют находки новых, неизвестных науке изваяний, которые исследователи обнаруживают не столько на полях, сколько в селах. Впрочем, и такие находки становятся редкостью.

Изваяниям, стоящим в селах, периодически подносили еду, их чистили и покрывали краской, при этом подчеркивая на них жизненноважные органы. Это делалось для того, чтобы отвести от общины возможные несчастья (природные катаклизмы, болезни и пр.).

¹ Благодарим А.В.Колесника за сообщение о местоположении изваяния и возможность его опубликовать.

Однако от заботы и почитания до ненависти и варварского отношения к ним был лишь один шаг. Стоило в семье, роду или селе случиться какой-то беде, причину нередко находили именно в идолах, которые могли навести на человека порчу или вызвать неурожай. Тогда изваяние могли разбить на мелкие части, закопать или же, чтобы не осквернять землю, попросту утопить в реке. Примеров подобного проявления гнева и жестокости людей к каменным бабам известно немало.

Но все же чаще сельское население более “взвешенно” подходило к оценке причины неожиданной “враждебности” идола, как правило, находя объяснение в недостаточном внимании к последнему. В таких случаях к нему начинали проявлять “сверхзаботу”, что выражалось, например, в его побелке. Как бы там ни было, но изваяние в селе Придорожное не было разбито и пущено, скажем, на устройство мощеной дорожки в каком-нибудь крестьянском дворе, а простояло в целостности и сохранности до наших дней. Накануне празднования начала III тысячелетия жители села побелили изваяние, в чем также можно усмотреть желание обезопасить себя от каких-либо потрясений, которые обычно ожидаются на рубеже эпох. Правда, нам неизвестно, белили ли его и раньше, но, по крайней мере, этого нельзя исключить.

Описание изваяния

Изваяние осмотрено, описано и сфотографировано в июне 2008 года. Скульптура изготовлена из местного плотного темно-желтого мелкозернистого песчаника, многочисленные обнажения которого находятся на левом берегу Кальмиуса; очень массивное. По сообщению В.Ф. Моженко, вкопано в землю не менее чем на 0,7 м; видимая высота – 1,16 м, наибольшая ширина (на уровне плеч) – 0,65 м, наибольшая толщина (на уровне головы) – 0,44 м. Передняя сторона обработана минимально, были всего лишь убраны неровности. Тыльная и боковые стороны вовсе не подверглись обработке, тем не менее, они довольно ровные и плоские. Очевидно, монолит для изготовления скульптуры был подобран достаточно удачно. Техника проработки

передней поверхности изваяния, похоже, точечная, но это просматривается только на голове (рис.1). В 2000-2001 гг изваяние, как уже говорилось, было побелено школьниками известью, до настоящего времени практически не смытой дождями. Правая сторона затылка слегка стесана. Подбородок и часть левой скулы отбиты. С большой долей уверенности можно сказать, что изваяние изображает женщину, о чем свидетельствуют как женские черты лица, так и характерное изображение груди.

Изваяние стеловидное, почти квадратное в сечении. Плечи едва намечены и практически сразу переходят в голову, шея отсутствует; таким образом, голова не выделена из монолита. В фас она абсолютно круглая (не считая отмеченных выше небольших повреждений позднего происхождения). Интересной особенностью головы является диспропорция верхней и нижней частей лица, т.е. лоб слишком высокий, что не исключает версии о наличии головного убора (возможно, круглой шапочки), хотя из-за побелки установить или опровергнуть это сейчас невозможно. Брови короткие, дуговидные, образуют с носом (стесанным в нижней части) Т-образную фигуру, глаза овальные, рельефно выделенные, рот небольшой. Отчетливо показаны уши (к сожалению, почти не заметные на фото), посаженные мастером не на анатомически нужном месте, а чуть ниже – на уровне щек. Груды довольно массивные, округлые, нерельефные. Какие-либо другие изображения отсутствуют, о чем можно говорить достаточно уверенно, поскольку сохранность изваяния, в целом, удовлетворительная (рис.1).

О месте изваяния в типолого-хронологической системе тюркской скульптуры

Абрис и иконография придороженского изваяния, на первый взгляд, позволяют отнести его к массиву раннетюркских каменных изваяний, однако попытки найти близкие аналогии и дать однозначное типолого-хронологическое определение оказалось делом довольно затруднительным. Рассмотрим доступный материал.

Рис. 1. Изваяние из с.Придорожное.
Fig. 1. The statue from Pridorozhnoie village

Территория распространения изваяний раннетюркского типа² (далее ИРТТ) исследователями обычно определяется исключительно широким, но практически лишь азиатским поясом степей – от Монголии до Южного Приуралья (Шер Я.А., 1966, с.20 и др.), поэтому углубленный анализ нашего изваяния – находки, значительно удаленной от основных регионов распространения ИРТТ, для специалистов, несомненно, будет представлять определенный интерес.

Прежде всего, отметим, что среди ИРТТ женских значительно меньше, чем мужских. Женские ИРТТ, как известно, практически не характерны для Южной Сибири и Монголии; не так много их в Киргизии, а также в Семиречье и других районах Казахстана. Западнее, т.е. ближе к Уралу и далее к Волге количество находок женских изваяний значительно возрастает. А уже на Правобережье Волги женские и мужские ИРТТ встречаются примерно в равной пропорции, хотя к западу от Урала тех и других ИРТТ, по сравнению с Востоком, намного меньше.

На сегодняшний день типология средневековых тюркских изваяний, включая и ИРТТ, в целом, представляет собой довольно условную схему, в которой выделяется 4 “больших” типа: 1) контурные (слаборельефные) изображения на передней поверхности удлинённых, прямоугольных или квадратных в сечении камней; 2) стеловидные изваяния, сочетающие плоскостную проработку головы, еще не выделенной из монолита, но уже с намеченной объемностью; 3) изваяния, выполненные в высоком рельефе, но не полностью объемные; 4) в высоком рельефе, целиком объемные изваяния. Конечно же, с течением времени эта универсальная (пригодная для разных локаль-

ных зон и культур), но во многом шаткая схема претерпевала некоторые изменения, развивалась и усложнялась, однако, повторимся, в целом, она и сегодня служит в качестве типологического “хребта”, в основу которого положена, прежде всего, идея эволюции абриса и объемности изваяния. В то же время, хорошо известны группы изваяний, которым присущи признаки двух и даже нескольких типов в разных сочетаниях. Есть и типы изваяний с необычными чертами, в определенном смысле также противоречащими установившемуся в литературе общему эволюционно-хронологическому строю. Таковыми являются, например, так называемые “позднейшие” (кон. XII – XIII в.) стеловидные изваяния, которые чаще всего встречаются в Среднем Поволжье (Федоров-Давыдов Г.А., 1966, рис.27, 5; 28, 2; 29, 7; Плетнева С.А., 1974, табл.73, 1250, 1252-1257). Их происхождение исследователи связывают с дезэволюцией скульптурного ваения (Федоров-Давыдов Г.А., 1966, с.185) или с “логическим завершением эволюционного ряда” (Плетнева С.А., 1974, с.65). Следует отметить, что интересующее нас изваяние из Придорожного имеет ряд черт, характерных для разных типов или находящихся на “стыках” между ними.

Поиск аналогий привел нас к обнаружению нескольких изваяний лишь близкого облика, но не более того. То есть, ни у одного из них мы не нашли полного набора признаков, позволяющих поставить его в строгий типологический ряд с придороженским. При этом, разумеется, мы не рассчитывали найти между сравниваемыми скульптурами полное сходство, тем более портретное, поскольку каждое средневековое каменное изваяние (даже в случаях, когда лицо непроработано), в отличие,

² Мы умышленно избежали употребления термина “древнетюркские изваяния”, поскольку, во-первых, хронологические границы древнетюркского времени в литературе еще окончательно не определены (см., например, полемику по этому вопросу в работах А.Д.Грача (1961, 1966) и Л.Р.Кызласова (1979)). Причем Л.Р.Кызласов, критикуя А.Д.Грача, высказался, на наш взгляд, слишком категорично. Ученый пишет, что “методологически неверно называть (точнее, использовать) термин «древнетюркское время»” (Кызласов Л.Р., 1979, с.141). Кроме того, мы столкнулись с немалыми затруднениями в установлении не то что узкой даты изваяния из с.Придорожное, но даже более широких хронологических границ в рамках (пусть и “плавающих”) древнетюркского времени. А термин “изваяния раннетюркского типа” может характеризовать скульптуру, подобную придороженской, гораздо шире и нейтральнее, одновременно условно выступая как хронологическим, так и типологическим определителем в общем массиве тюркских средневековых изваяний.

например, от обобщенного или, точнее, размытого образа скифской каменной пластики, изображает конкретного умершего. Вместе с тем, наш расчет строился на том, что мастер, несмотря на индивидуальность черт умершего и собственный почерк (технику и стиль), все же реализовывал коллективное традиционное понимание облика умершего, следуя некоей норме. Поэтому понятно, что определенная степень стандартизации и схематизации изображения была неизбежной. Если же к последнему моменту добавить внешнее сходство по таким признакам как пол, близкий возраст и этническое родство, то, на первый взгляд, обнаружить два (или группу) типологически близких изваяний не должно представлять большого труда. Но лишь на первый взгляд. На практике все оказалось гораздо сложнее, причем схожих между собой изваяний в числе поздних неожиданно выявилось несравнимо больше, чем среди ранних. Впрочем, объяснение этого кажущегося парадокса лежит не столь уж глубоко, если попытаться отклониться от упомянутой выше прямой эволюционной концепции развития изваяний. Такое отклонение в рамках массива известных нам ИРТГ позволило выделить в их типологическом ряду новое звено, хотя и на самом нижнем таксономическом уровне.

К первому и основному типобразующему признаку в предлагаемой нами иерархии признаков стеловидных изваяний (к которому относится и придороженское) мы отнесли невыведенность головы из монолита, исключив, таким образом, из сопоставления огромный массив изваяний, у которых голова в той или иной мере была выделена из монолита. Второй признак – пол изваяния. Третий – оформление (форма) головы, т.е. особенности ее “посадки” относительно прямоугольного монолита. Четвертый, по сути, целый комплекс локальных признаков, традиционно рассматривающихся по отдельности, – это характер изображения деталей лица (брови, глаза, нос, рот и уши) и их взаиморасположение друг относительно друга. Пятый – форма груди.

Прежде всего, рассмотрим признак “форма и посадка головы”. Эти две составные части (форма и посадка головы) одного признака, “работая” в совокупности (!), как правило, оказываются определяющими при разграничении стеловидных ИРТГ.

Особенности проработки головы у придороженского изваяния свидетельствуют о том, что ваятель не ставил себе целью выделить ее из монолита камня, хотя материал (песчаник), в отличие от гранита³, позволял это сделать без

Рис. 2. Искажения в изображении лиц на изваяниях погрудного типа (по: Чариков А.А., 1986, с.95, рис.4, 6, 12, 13, 14).

Fig. 2. Distortions in imaging of faces of statues of breast type (by Чариков А.А., 1986, p.95, Fig.4, 6, 12, 13, 14)

³ Из гранита изготовлено подавляющее большинство ИРТГ, причем много их даже в тех районах евразийской степи, где песчаника имелось в избытке. Здесь налицо следование традиции в выборе материала, сложившейся в восточных регионах, изобилующих гранитом. Для других же областей это было в большей степени вынужденной практикой.

сверхусилий. Очевидно, ваятелю по традиции, базирующейся на коллективном опыте и исторической памяти рода, этноса, требовалось лишь убрать часть породы на верхушке подпрямоугольного в сечении камня, превратив его в круглую голову, не выделяя при этом шеи⁴. Мастеру, изготовившему придороженское изваяние, также пришлось убрать у каменной глыбы излишек породы под подбородком (если, конечно, этот подбородок не являлся просто природной формой, удачно выбранной для изваяния), что в совокупности с почти идеальной в плане отмеченной округлостью головы придало последней известную степень объемности. У всех известных нам ИРТГ с объемной или относительно объемной головой (а не с проработкой головы или лица на плоскости монолита) подбородок в той или иной мере сужается книзу, чего нельзя сказать о нашем изваянии, у которого лицо совершенно круглое. Попытка найти такую же манеру передачи головы на всем евразийском пространстве оказалась безуспешной. Данный признак в совокупности с остальными в известной степени свидетельствует об уникальности изваяния из Придорожного.

Лицо, при условии, что на скульптуре нет головного убора, расположено непропорционально низко относительно лба. Это очень интересная индивидуальная черта придороженско-

го изваяния, являющаяся одним из показателей (хотя и не всегда обязательным для азиатских регионов) того, что изваяние относится к числу ранних погрудных стеловидных скульптур, а не к так называемым погрудным позднейшего типа, о которых речь пойдет ниже. Характеризуя особенности ранних погрудных изваяний, А.А.Чариков пишет, что даже в тех случаях, когда исключительно все элементы лица исполнены в традиционной манере, стиль изваяния стеловидного типа проявляется по другим показателям: нарушением пропорций и схематичностью форм (рис.2, 1), смещением в какую-либо сторону вертикальной оси лица (рис.2, 3) или наклоном ее по отношению к продольной оси туловища (рис.2, 1, 2, 4), асимметричностью отдельных деталей (рис.2, 1, 4) (Чариков А.А., 1986, с.94-95, рис.4, 6, 12, 13, 14). Эти наблюдения А.А.Чарикова исключительно важны для разделения массива погрудных изваяний на группы.

В качестве аналогий из всего известного нам массива ИРТГ было отобрано 5 скульптур, у которых отдельные черты оказались не идентичны, а лишь схожи с деталями изваяния из Придорожного. Рассмотрим их по порядку, но не по степени сходства (что сделать очень непросто), а по географическому принципу, т.е. с востока на запад.

⁴ Мы совершенно не согласны с суждением А.А.Чарикова, который подчеркивает, “что различия в манере изображения нельзя ставить в зависимость от материала, поскольку практически все исследуемые статуи были изготовлены из одинаково твердых пород камня местного происхождения: крупнозернистого гранита, реже песчаника, кремнистого сланца” [подчеркнуто нами – А.Е., Д.П.] (Чариков А.А., 1986, с.88). Полагаем, что нет смысла давать расширенную критику этого тезиса исследователя, так же как и приводить аргументы в пользу того, что именно повсеместные выходы на поверхность обнажений песчаника в восточноевропейских степях явились одним из условий стремительного расцвета у тюркских кочевников искусства каменной пластики во 2-й пол.ХII – нач.ХIII в., повлияв и на стиль, и на манеру изображения. Ясно, что гранит и песчаник нельзя ставить в один ряд. Песчаник – мягкий камень, и он (особенно мелкозернистый) позволял мастеру прорабатывать изображения гораздо более выразительно (“тонко”). Другое дело, что такой всплеск мастерства в различных проявлениях объемного ваяния в северопричерноморских степях, был, очевидно, связан с одной из волн кочевников. Правда, мы не можем пока соотнести изваяние из Придорожного с определенным этносом. Очевидно лишь, что мастер при изготовлении изваяния исходил не только из возможностей камня, но и стремился соблюсти определенные нормы, сложившиеся в культуре. Эволюционное развитие изваяний, на наш взгляд, происходило не однолинейно, а многолинейно и с различной интенсивностью в разных этнических группах и локальных областях.

Что касается твердости гранита, то он, так же как и песчаник, неоднороден. Его многочисленные виды отличаются структурой и имеют разную степень плотности. Возможно, в том числе и из-за этого мы видим различия не только в качестве и характере изображений, но и в степени насыщенности деталями. Впрочем, дальше в упомянутой статье А.А.Чариков все же указывает на значимость породы камня. Исследователь пишет, что своеобразие средневековой пластики (невысокий рельеф плотно прижатых к туловищу рук, уплощенные лица, слабая моделировка силуэта) в значительной степени обусловлено спецификой материала (гранит) (Чариков А.А., 1986, с.101).

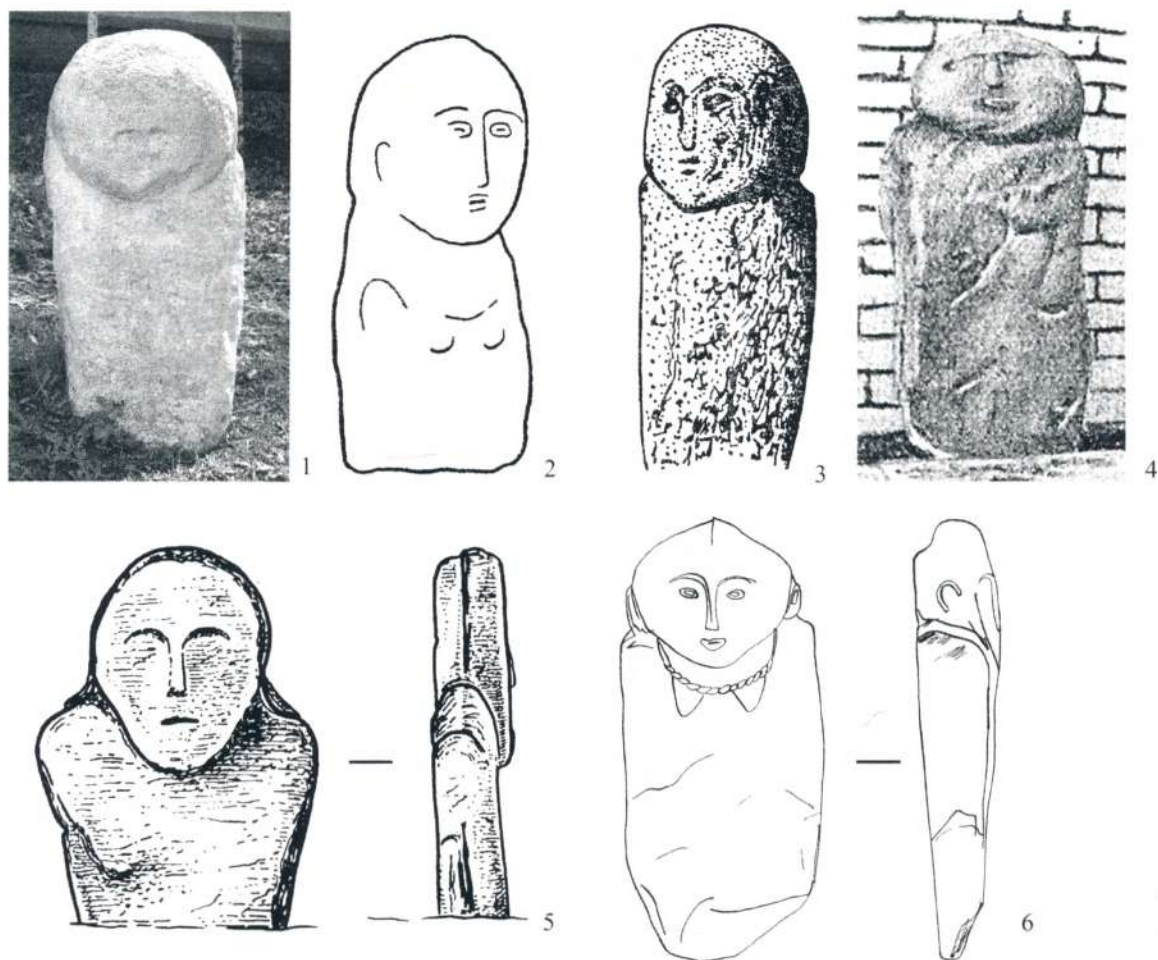

Рис. 3. Изваяния погрудного типа, близкие по абрису изваянию из с. Придорожное: 1 – с. Придорожное; 2 – Мерке, Чуйская долина (Шер Я.А., 1966, с.118, табл. XXV, 123); 3 – Кегеты, Чуйская долина (Шер Я.А., 1966, с.108, табл. XIX, 86); 4 – Саратовское Поволжье (Зайковский Б.В., 1908, рис. 4); 5 – Азовский историко-краеведческий музей (Плетнева С.А., 1974, табл. 53, 928); 6 – Бешеный (хутор, Луганская обл., нижнее течение р. Северский Донец).

Fig. 3. Statues of breast type similar by their contour to the statue from Pridorozhnoie village: 1 – Pridorozhnoie village; 2 – Merke, Chui valley (Шер Я.А., 1966, с.118, табл. XXV, 123); 3 – Kegyty, Chui valley (Шер Я.А., 1966, с.108, табл. XIX, 86); 4 – the Volga reaches near Saratov. (Зайковский Б.В., 1908, рис. 4); 5 – Azov Museum of Local History. (Плетнева С.А., 1974, табл. 53, 928); 6 – Beshenyi (steading, Lugansk province, lower reach of Severskii Donets river)

1. Мерке (Чуйская долина). Лицо женское, физический тип неясен. Голова смоделирована объемно, показаны плечи. Рельефными кружками изображена женская (?) грудь. Рук не видно. Нижняя часть, видимо, обломана (Шер Я.А., 1966, с.118, табл. XXV, 123). От придороженского это изваяние отличают 3 нюанса: характер изображения груди – в виде дуг (очевидно, нечетко выбитых типичных небольших кружков), длинный нос и макушка

головы – несколько вытянутая кверху. Более точное сравнение этого изваяния с нашим невозможно из-за схематичности рисунка изваяния из Мерке, к тому же выполненного с небольшим разворотом (рис. 3, 2).

2. Кегеты (Чуйская долина). Я.А. Шер пишет, что лицо у изваяния монголоидное, а пол с уверенностью определить нельзя, однако ввиду отсутствия усов, приходит к выводу, что оно, вероятно, женское. Голова выделена из

монолита, шея и плечи показаны схематично. Техника проработки поверхности точечная; все детали рельефны. Размеры не установлены (Шер Я.А., 1966, с.108, табл.ХІХ, 86). От придороженского отличается отсутствием изображения груди и вытянутым, более крупным носом, подтреугольным подбородком, большей выделенностью головы из монолита и, следовательно, большей объемомостью (рис.3, 3).

3. **Саратовское Поволжье.** Современное местонахождение изваяния нам не известно. Детали изваяния, опубликованного Б.В.Зайковским, из-за некачественного фото просматриваются нечетко (Зайковский Б.В., 1908, рис.4). С исследуемым изваянием его сближает округлая (несколько "растянутая" по горизонтали) голова, относительно короткий нос. Отличается же гораздо большей объемомостью головы (рис.3, 4).

4. **Азовский историко-краеведческий музей.** Изготовлено из ракушечника, врыто в землю по грудь; плечи отчетливо выражены, однако шея абсолютно не выделена. Голова представляет собой овал, подбородок массивный, четко выделен (Плетнева С.А., 1974, табл.53, 928). Несмотря на сохранившееся изображение одной груди, полной уверенности в том, что изваяние женское нет. По моделировке груди весьма схоже с изваянием из Придорожного, хотя она и значительно меньше (рис.3, 5).

5. **Бешеный** (хутор, Луганская обл., нижнее течение р.Северский Донец). Голова изваяния несколько объемнее, чем у придороженского: макушка выразительно вытянута вверх; затылок плавно выделен из монолита; плечи отчетливо выражены. Несмотря на общую схожесть, отличаются все детали лица: прямой вытянутый нос, высоко поднятые над глазами брови, оформленный в виде сердечка рот, довольно большие уши, расположенные, в отличие от нашего, анатомически на своем месте. Черты лица монголоидные (рис.3, 6). По наличию признака "груди" это изваяние довольно близкое придороженскому, но груди расположены неанатомически высоко. К тому же, они значительно меньше и подтреугольной формы. Кроме того, данное изваяние разительно отличается исключительно реалистичным по исполнению изображением витой гривны. Впрочем, данная особенность не относится к типологическим признакам изваяния в использу-

емой нами минитаксономической структуре, но зато указывает на его позднюю (относительно других рассматриваемых здесь изваяний) дату. Крученые гривны, которые С.А.Плетнева называет "ложновитыми", бытовали в XII-XIII вв. (Плетнева С.А., 1981, с.217).

Еще два интересных и очень схожих между собой изваяния есть на Алтае (**Талдура-І, оградки 1, 2**), и если бы они не изображали мужчин, то по общему абрису их можно было бы считать исключительно близкими аналогиями придороженскому (Могильников В.А., Елин В.Н., 1983, рис.11; 15).

Итак, все приведенные аналогии по своему довольно информативны, но, тем не менее, не дают нам однозначного и четкого представления о месте нашего изваяния в типологическом ряду тюркской скульптуры. А что касается географии обнаруженных аналогий, она оказалась довольно широкой. Если рассматривать их по направлению миграции средневековых тюркских кочевников с востока на запад, мы имеем две находки в Чуйской долине (Южный Казахстан), одну в Саратовском Поволжье, по одной в устье Дона и нижнем течении Северского Донца. Такая картография изваяний (очевидно, неполная), свидетельствующая о находках в различных природно-климатических областях, а также изготовление их из различных пород камня и, наконец, разные стили мастеров, отдаляющие все изваяния друг от друга, все-таки дают возможность предполагать у данной группы изваяний если и не этническое родство, то, по крайней мере, общие культурные истоки, поскольку, в целом, они довольно близки по своему облику. Во всяком случае, признаки, объединяющие их в одну группу, на наш взгляд, более весомы, чем те, что их отличают. Однако все приведенные сравнения – это лишь косвенные факты. Необходим дальнейший углубленный анализ материала, чтобы доказать существование хронологически разобренных вариантов в рамках массива погрудных ИРТТ, либо же, наоборот, доказать их относительную синхронность при существовании вполне естественных вариантов, обусловленных, возможно, не только разной территорией и временем, но и разной этнокультурной средой.

Впрочем, уже сейчас единый абрис рассмотренных изваяний позволяет допустить их

близкую датировку. Однако это вовсе не означает, что хронологический отрезок будет относительно узким, в первую очередь, по отношению к изваянию из Придорожного. Из-за отсутствия на нем и на подавляющем большинстве приведенных аналогий изображений вещей, рук и ног, их датировку приходится устанавливать исключительно путем сравнения с изваяниями, имеющими близкий абрис, на которых изображены вещи, получившие в литературе узкие или относительно узкие даты (Евтюхова Л.А., 1952; Грач А.Д., 1961; Федоров-Давыдов Г.А., 1966; Плетнева С.А., 1974 и др.). Разработанные исследователями хронологические колонки, на наш взгляд, во многом еще остаются противоречивыми. Впрочем, сопоставлять их между собой в нашу задачу не входит. Отметим лишь, что изваяния, подобные придороженскому, традиционно связываются с культурой древних тюрков⁵. Под культурой древних тюрков обычно подразумевается комплекс памятников, включающих оградки, изваяния, балбалы, погребения с конем и характерные типы инвентаря (поясные наборы, стремена, наконечники стрел и др.), датирующиеся VII-X веками. Правда, есть мнение, что первое появление изваяний древнетюркского (раннетюркского) типа в Центральной Азии относится к VI в. (например, Шер Я.А., 1966, с.39). Однако, насколько нам известно, на сегодняшний день, по крайней мере, к западу от Алтая с уверенностью не выявлено погребально-поминальных комплексов этого времени. А памятников культуры древних тюрков, датирующихся VII в., очень мало. Следовательно, лишь VII в. можно де-факто считать нижней границей и для ИРТТ, ранние группы которых входят в культуру древних тюрков.

Определение верхней даты ИРТТ еще более проблематично, поскольку данные, которыми приходится пользоваться археологам, преимущественно косвенные. Так, известно, что в X в. все шире распространяющийся в Средней и Центральной Азии ислам заметно

изменил в кочевой степи проявление прежних культурных традиций. Именно в период смены религии в кризисном состоянии оказывается культовая сфера, тесно переплетенная с искусством, в том числе каменная скульптура. В связи с этим, позднейшей датой изготовления изваяний древнетюркского типа в Семиречье и на Тянь-Шане некоторые исследователи считают XI в., а для более северных территорий, где ислам распространялся не так интенсивно и жестко – XII в. (Шер Я.А., 1966, с.39-40). Исходя из этого, логично предположить, что для территорий, лежащих северо-западнее центральноазиатских и среднеазиатских областей, верхняя дата ИРТТ может быть еще более поздней. Во всяком случае, для Урала, Поволжья, Подонья, Северного Кавказа и Северного Причерноморья датировка ИРТТ XII и даже XIII в. вполне реальна. До начала распространения ислама в Золотой Орде при хане Узбеке, культурно-религиозная обстановка для кочевников, отправлявших ритуалы, посвященные культу предков (включая ваение каменных статуй), в этих отдаленных от исламских центров степных районах была более чем благоприятной. Есть основания считать, что такая обстановка коренным образом не изменилась и после введения ислама в Золотой Орде; имеется в виду, на ранней его стадии.

Таким образом, если согласиться с тем, что изваяние из Придорожного – это памятник раннетюркского типа (вариант “погрудное” без изображений вещей), а ИРТТ – это не хронологический тип, а всего лишь культурный типаж (образ), то датировать такой пласт, исходя из вышесказанного, следует не уже VIII-XIII веков. Однако с учетом региона находки и отмеченных иконографических особенностей придороженского изваяния – лица, посадки головы, типа груди, которые по всем этим признакам отличаются от относительно хорошо изученных классических древнетюркских изваяний, хронологические рамки изваяния из Придорожного логично

⁵ Следует оговориться, что термин “культура древних тюрков”, который включает и ранние ИРТТ, используется нами не столько в этнокультурном, сколько в археологическом смысле. Такое понимание культуры древних тюрков и ИРТТ будет, на наш взгляд, лучше отражать специфику археологического исследования, где материал диктует нам этнокультурную оценку, а не наоборот. То есть термин “культура древних тюрков” гораздо шире тех компонентов культуры, которые традиционно и уверенно связываются с собственно этническими тюрками.

сузить до XI-XIII веков. При этом наиболее вероятной датой можно считать XI-XII вв.

В то же время, как уже было сказано, у нас нет полной уверенности в принадлежности нашего изваяния раннетюркскому типу (ИРТТ) по причине возможного сокрытия под известью некоторых нерельефных изображений и прежде всего, головного убора. Поэтому нельзя исключать и совершенно иную, более позднюю датировку. Речь идет о том, что изваянию присущи такие черты, которые могут свидетельствовать об упоминаемом выше позднейшем (также погрудном) типе тюркской каменной скульптуры, датируемом исследователями XIII в. (Плетнева С.А., 1974, с.70) или уже – I-й пол.XIII в. (Федоров-Давыдов Г.А., 1966, с.168).

Погрудные изваяния, т.е. с изображением одной лишь головы или лица, по классификации Я.А.Шера, относятся к так называемой “особой”, третьей группе (Шер Я.А., 1966, с.26). Такое неакадемическое определение этой группы в какой-то степени оправдано и не является случайностью. Но, к сожалению, в книге исследователя, по сей день остающейся одной из лучших по тюркской каменной пластике, нет развернутого объяснения того почему он данную группу сближал с 1, 2 и 4 группами древнетюркских изваяний, т.е. с теми, у которых лишь одна правая рука держит сосуд (группы 1 и 2) или птицу (группа 4), а не с группами 5 и 6, где сосуд удерживается двумя руками⁶. Не оспаривая такого условного объединения типов, но и не имея пока убедительных аргументов для выдвигания противоположной версии (т.е. объединения с группами 5 и 6), допустим

хронологическую близость 3-й (“особой” по Я.А.Шеру) группы обеим “большим” (объединенным) группам, т.е. ко всем шести группам древнетюркских изваяний. Дело в том, что в эту 3-ю группу изваяний Я.А.Шером преднамеренно могли быть включены как ранние экземпляры, так и поздние, причем, как одной эволюционной линии, так и другой, или даже нескольких. Его классификация, принятая другими исследователями, в целом, просуществовала до сегодняшнего дня. Но поскольку после выхода книги Я.А.Шера источниковая база значительно расширилась, пришло время внести в эту эволюционно-типологическую схему определенные изменения, что, впрочем, сделать не так просто и ставить в этой статье такую задачу мы не стали.

Сейчас нас интересует более частный вопрос – найти изваянию из Придорожного если и не строгое место в типологической системе тюркской скульптуры, то хотя бы типологические аналогии. Для этого пришлось включить в поиск не только изваяния из Северо-Восточного Причерноморья, но обратиться ко всему ареалу распространения средневековых тюркских изваяний.

В пользу версии о позднейшей дате одной из групп ИРТТ свидетельствуют изваяния погрудного (упрощенного⁷) типа, выделенные Г.А.Федоровым-Давыдовым на поволжском материале (1966)⁸. Позже (в 1974 г) позицию Г.А.Федорова-Давыдова поддержала С.А.Плетнева, расширив эту группу новыми экземплярами. Общим периодом в датировке изваяний у исследователей оказался узкий отрезок – нач.XIII в. (Федоров-Давыдов Г.А., 1966,

⁶ Напомним, что типы 1, 2 и 4, по Я.А.Шеру, более ранние, чем типы 5 и 6.

⁷ Термин “упрощенный”, хотя и дает нам общее понимание типологического облика изваяний, тем не менее, представляется не совсем удачным, поскольку у средневекового мастера, очевидно, стояла задача не простого (немотивированного) упрощения существующего канона (традиции), а следование тем обстоятельствам, которые вынуждали его так поступать. Если бы один и тот же мастер делал одновременно полнофигурные изваяния и упрощенные, тогда последний термин был бы более обоснованным. Но было ли так на самом деле? Вряд ли. Кстати, самые ранние антропоморфные (без какой-либо особой обработки и тем более изображения) изваяния эпох энеолита и бронзы нельзя назвать упрощенными, поскольку до появления этих типов не было образцов более совершенных. Не идеален и используемый нами термин “погрудное изваяние”, но зато он нейтральнее, как минимум, в отношении семантики изваяний. Поэтому в тех случаях, когда без термина “упрощенный” не обойтись, мы, в отличие от коллег, используем его в переносном смысле и берем в кавычки.

⁸ Книги Я.А.Шера и Г.А.Федорова-Давыдова вышли в одном (1966) году, но ученые, очевидно, не успели использовать результаты исследований друг друга. Во всяком случае, ссылок друг на друга в этих работах нет.

с.168; Плетнева С.А., 1974, с.70). Г.А.Федоров-Давыдов объясняет появление подобных изваяний деэволюционным процессом ваяния каменной пластики кочевников и дает им следующую характеристику: "...без изображения рук и ног. Тело трактовано как прямоугольная в сечении стела. Объемно дана только голова. Это статуи особого [выделено нами – А.Е., Д.П.], сильно упрощенного стиля, в котором скульптор пренебрег даже такими важными деталями, как руки, ограничиваясь передачей объема головы и оставляя туловище в виде прямоугольного в сечении каменного столба" (Федоров-Давыдов Г.А., 1966, с.168)⁹. С этим положением исследователя трудно не согласиться, поскольку аргументы в поддержку своей версии им были приведены довольно убедительные. Но вопрос этим не исчерпывается.

Сравнивая наше изваяние с позднейшими, по Г.А.Федорову-Давыдову, типами изваяний и особенно с группой изваяний из Саратовского Поволжья (Плетнева С.А., 1974, табл.73, 1250, 1252-1254), мы легко устанавливаем между ними общее сходство. Но это сходство сводится лишь к общетипологическому признаку "погрудность", который мы рассматриваем лишь как формальное сходство. Анализ деталей абриса, пусть и скромной иконографии, а также сочетание значений этих признаков говорят о принципиальных различиях, которые выявляются только при внимательном сравнении.

Объясняя происхождение изваяний позднейшего типа на восточноевропейском материале, Г.А.Федоров-Давыдов далее пишет: "Упрощенная форма III типа [к которому по формальному сходству можно отнести и придороженское изваяние – А.Е., Д.П.] может быть объяснена тем, что эти статуи были или ранними вариантами типа I [стоячие, полнофигурные – А.Е., Д.П.], или поздними упрощенными его вариантами, в которых реалистические черты в передаче объемов были утрачены. Второе предположение подтверждается наблюдением над некоторыми деталями статуй типа III, которые можно понять только как рудименты (например, изображение сосуда, бессмысленное само по себе без изображений рук, медальона без ремня)" (Федоров-Давыдов Г.А., 1966, рис.28, 2, с.185).

Не оспаривая даты изваяний, которые Г.А.Федоров-Давыдов считал позднейшими, а вещи на них рудиментами, А.А.Чариков дает им иную трактовку: "Выделенные подтипы являются, вероятно, переходными, ибо композиционно они еще сохраняют традиции предшествующего типа, хотя приобрели некоторые черты, характерные для последующего. Их промежуточное положение подтверждается и формой обозначенных предметов" (Чариков А.А., 1986, с.88). Далее он констатирует: "отдельные элементы, присущие только стеловидным памятникам (уши, рот, глаза – в виде ямок), ни разу не встретились на «древнетюркских» статуях. При этом набор изобразительных средств для I типа [древнетюркские изваяния – А.Е., Д.П.] ограничен их строго определенной совокупностью, тогда как для II типа [половецко-кыпчакского облика – А.Е., Д.П.] и особенно для III типа [стеловидные (погрудные) – А.Е., Д.П.] он гораздо шире. Создается впечатление, что в работе над каменными изваяниями применялись все хорошо освоенные на определенном этапе изобразительные средства, круг которых затем постепенно расширялся" (Чариков А.А., 1986, с.97). Из этого исследователь делает заключение, что каменные изваяния III (стеловидного) типа позднее I и II типов (Чариков А.А., 1986, с.97).

Если доводы Г.А.Федорова-Давыдова и А.А.Чарикова признать верными, то датировать придороженское изваяние действительно следует позднейшим периодом восточноевропейской скульптуры, т.е. XIII в. (Федоров-Давыдов Г.А., 1966, с.186). Вместе с тем вряд ли стоит отбрасывать XI и XII вв. как время их первого возможного появления, поскольку даже в период наивысшего расцвета ваяния каменной тюркской скульптуры Восточной Европы наряду с совершенными (полнофигурными) образцами могло существовать не только деэволюционное, но и старое традиционное направление, которое мы назвали поздними погрудными ИРТТ. Такое параллельное с деэволюционным направлением ваяние могло сохраниться у одной или нескольких групп кочевников и могло объясняться некими культурно-мировоззренческими причинами, связанными с устойчивой этнической традицией.

⁹ Всего исследователю было известно 13 женских и 7 мужских изваяний данного типа.

Не ставя себе целью углубляться в эти причины и не пытаясь выяснить конкретный этнический носитель такой возможной консервативной традиции, отметим, что в немногочисленном массиве погрудных (“упрощенных”, “особых”) изваяний есть смысл попытаться выделить как минимум три не связанные между собой группы. Возможно, две или все группы окажутся даже синхронными на определенном отрезке времени (скорее, это будет XII в.). Другое дело, будут ли эти группы различаться мотивами, которыми руководствовался мастер при воссоздании такого образа предка. Если, например, одна группа изваяний “погрудного” типа могла быть *результатом деэволюционного процесса*, то другая, возможно, представляет собой *ранние типы тюркской каменной пластики*. Если первые, очевидно, датируются в рамках 2-й пол.XII – XIII в., то вторые – XI–XII вв., т.е. будут относительно более ранними, чем объемная развитая скульптура XII–XIII веков. Третья – *консервативная группа* – также могла сосуществовать с развитой объемной скульптурой. Нельзя исключать даже четвертую группу и т.д., выделение которых, возможно, лишь дело времени.

Таким образом, мы не склонны присоединяться к мнению А.А.Чарикова, который считал “погрудные” (“упрощенные”) типы изваяний (включая консервативные) “самостоятельной традицией” (Чариков А.А., 1987; 1991 и др.), прошедшей через века – от VII–VIII до XIII века. Эта “самостоятельная традиция”, на наш взгляд, не была единой и этнически однородной.

Столь строгая хронологическая колонка, где *все* изваяния III типа (по Г.А.Федорову-Давыдову) позднее любого изваяния двух первых типов, выглядит излишне прямолинейной. Как уже было сказано, постановка вопроса о разделении стеловидных изваяний как минимум на 3 группы, разнящиеся не только и не столько хронологически, сколько своим происхождением, и его решение – это задача отдельного исследования, которое, полагаем, рано или поздно будет осуществлено коллегами. Сейчас же лишь отметим, что если А.А.Чариков относит появление стеловидных изваяний (включая погрудные) в Казахстане ко времени не ранее 2-й пол.XII в. (Чариков А.А., 1986, с.101), то для Северо-Восточного Причерноморья

появление этого типа Г.А.Федоров-Давыдов определяет XII – нач.XIII в. (Федоров-Давыдов Г.А., 1966, с.186). Обозначив такую абсолютную датировку для изваяний стеловидного типа, Г.А.Федоров-Давыдов указал еще, что они относительно более поздние, чем изваяния I типа (стоящие), и синхронны II типу (сидящие) (Федоров-Давыдов Г.А., 1966, с.185). Логика размышлений ученого подводит к тому, что *все* неполнофигурные изваяния Восточной Европы – это позднейшие типы, хотя такой окончательный вывод он так и не сделал. Так или иначе, мы против такого заключения, поскольку в этом случае теряется звено между изваяниями кыпчакского облика (включая и позднейшие, по А.А.Чарикову, стеловидные 2-й пол.XII – нач.XIII в.) и объемными и полувобъемными изваяниями XII – нач.XIII в. половецкого облика, по Г.А.Федорову-Давыдову (1966, с.186). Могло ли так случиться, что в европейских степях объемная/полуобъемная скульптура половецкого облика появилась вдруг и сразу, минуя традиции изготовления изваяний кыпчакского облика? Вряд ли. В то же время, нельзя считать, что ученый мог проигнорировать это звено, но мы вынуждены повториться: судя по той схеме, которая была им выстроена, получается так, что изваяния в Восточной Европе не ставили в XI веке. А между тем это было время появления здесь многочисленных кочевых орд и стремительного формирования половецких объединений. Нельзя, по нашему мнению, исключать датировку отдельных изваяний “погрудного” типа и более ранним периодом, т.е. X в.

В условиях далеко не полной изученности “погрудных” изваяний этническую атрибуцию изваяния из Придорожного можно пока обозначить как неполовецкую. Такая осторожность необходима, поскольку зачастую даже скульптуры с “богатой” и выраженной иконографией не дают нам однозначных этнических привязок. Мы согласны с мнением тех исследователей, которые не спешат весь массив тюркских изваяний связывать лишь с двумя-тремя кочевыми этносами. В частности, Л.Н.Ермоленко, несмотря на углубленные поиски этнических привязок, думает примерно так же: “пока не представляется возможным убедительно соотнести изваяния с конкретными племенами, известными по письменным

источникам, поэтому определения «древнетюркский» и «кыпчакский» в значительной мере условны» (Ермоленко Л.Н., 2004, с.69). Так что периодически присваиваемые исследователями публикуемым изваяниям однозначные этнические привязки (включая этнонимы “печенеги”, “огузы”, “половцы” и др.), на наш взгляд, – весьма рискованная практика.

Литература и архивные материалы

- Байбурий А.К., 1989. Семиотические аспекты функционирования вещей// Этнографическое изучение знаковых средств культуры. Л.
- Грач А.Д., 1961. Древнетюркские изваяния Тувы. М.
- Грач А.Д., 1966. Хронологические и этнокультурные границы древнетюркского времени// Тюркологический сборник. М.
- Евтюхова Л.А., 1952. Каменные изваяния Южной Сибири и Монголии// МИА. № 24.
- Ермоленко Л.Н., 2004. Средневековые каменные изваяния казахстанских степей (типология, семантика в аспекте военной идеологии и традиционного мировоззрения). Новосибирск.
- Зайковский Б.В., 1908. Каменные бабы в Саратовском Поволжье// Труды Саратовской Ученой Архивной Комиссии. Вып. XXIV. Саратов.
- Кызласов Л.Р., 1979. Древняя Тува. М.
- Могильников В.А., Елин В.Н., 1983. Курганы Талдура. Горно-Алтайск.
- Плетнева С.А., 1974. Половецкие каменные изваяния// САИ. Вып. Е4-2.
- Плетнева С.А., 1981. Печенеги, торки, половцы// Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья. М.
- Федоров-Давыдов Г.А., 1966. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М.
- Чариков А.А., 1986. Изобразительные особенности каменных изваяний Казахстана// СА. № 1.
- Чариков А.А., 1987. К эволюции стеловидных статуй средневековья// Ранний железный век и средневековье Урало-Иртышского междуречья. Челябинск.
- Чариков А.А., 1991. Группа стеловидных статуй из Семиречья и Прииртышья// Проблемы средневековой археологии Южной Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск.
- Шер Я.А., 1966. Каменные изваяния Семиречья. М.; Л.

Summary

A.V.Yevglevsky, D.V.Pilipenko (Donetsk, Ukraine)

TURKIC STATUES OF “BREAST” KIND: EXAMPLE OF PRACTICAL ATTRIBUTION

The paper attempts to define a type and dating of an Old Turkic statue which is located in Pridorozhnoie village, Starobeshevo region, Donetsk province, in a bend of Kalmius river (the Northeastern Azov reaches). The statue is presented to the learned society for the first time. It is stela-like, very massive, made of local sandstone; its height is 1.16 m over a ground level. It may be referred to a “breast” kind according to the traditional typology.

The analysis of the statue has prompted us to term it and a group of similar statues as “a statue of the Early Turkic type”, which implies not only a specific cultural and chronological type but also the appearance.

On the basis of the contour, the iconographic features of the face, the form and attachment of the head, as well as other attributes of the statue, it can be dated to the period of the 11th-13th centuries, most probably the 11th century. However, there is no certainty in this dating since some flat images, first of all a headdress, may be concealed under a layer of lime. Therefore, we cannot rule out later dating. This implies that the peculiarities of the statue may testify to the so-called “latest” type of the Turkic stone sculpture dated back by researchers to the 13th c. or, more precisely, to the 1st half of the 13th century. Our experience of the analysis of the statue shows that the corpus of Turkic statues of the “breast” type requires further research to single out typological groups and to make their chronology more precise.

Статья поступила в редакцию в декабре 2008 г